

МАКСИМ ЦВЕТКОВ



БОЛЬ ТИТАНА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Максим Цветков
Колизей 1. Боль титана
Серия «Колизей», книга 1

<https://litres.ru/73100883>

SelfPub; 2026

Аннотация

Завершив бестолковой смертью бесполезную жизнь, герой оказывается не у райских врат, не в адских вертепах и даже не на новом витке колеса Сансары. Он обнаруживает себя в личной комнате героя внутри непостижимой ни то вселенной, ни то игры, ни то тренировочной арены под названием Колизей.

Колизей - древняя система из бесчисленности миров, система направленная на рост и развитие каждого попавшего в нее осознания. Но что это в действительности и как, а главное какое место здесь отведено самому герою, нам еще только предстоит выяснить.

Главными противниками на пути человека к вершинам как всегда станут не люди, эльфы, гномы и прочие обстоятельства, но сам человек, его привычки, его слабости, его неповоротливость и жалость к себе. А вот союзников еще придется поискать с таким-то характером!

Что ж, вперед, герой! Тебя ждет новый вызов, так не дрейфь!

Содержание

Глава 1 Прокол	4
Глава 2 Начало	9
Глава 3 Ставки, закладки, два очка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Максим Цветков

Колизей 1. Боль титана

Глава 1 Прокол

А жизнь ломалась, разучившись гнутья,
Как сном морозным схваченный росток.
Горошина звезды в небесном блюде,
Конечно, глаз! Конечно, это Бог!
Смеется, чую, кукловод безумный
Над крахом чаяний моих, надежд и мечт,
Я поднимаю зло и безрассудно
И в высь вонзаю исчербленный меч.
Кричу Ему свой Вызов и Проклятие,
Античному Титану уподобясь,
Собираю в острие всю злость и гордость,
И... тишина... и некому взорвать ее.
Горошина звезды по кромке блюда
Катится как и сто веков тому,
А голоса в моей башке смеются,
То плачут по угасшему уму.
Я мизерный Титан перед ликом Бога,
И осознание бичует дух и плоть.

Молю тебя, мой старый меч убогий,
Осиль хотя б мне сердце проколоть!

Начинать трудно. Всегда. Неважно при том, что именно мы собираемся начать: утренник в младшей группе детского сада, изучение латыни, еще одну бутылочку благородного армянского дистиллята, книгу, жизнь. Всегда будет тот самый момент, словно проламываешься через невидимую стену. Мне пришлось однажды начинать сразу...

Но тут лучше отлистать несколько страниц календаря на месяц-полтора назад. Загнанный в угол последствиями собственных решений, я метался зверем в клетке. Я занимал деньги у одних подонков, чтобы отдать их другим, бывал бит и теми, и другими, пил, так словно завтра введут сухой закон, а мне надо выполнить норму за месяц. Перессорившись со всеми сколь-нибудь близкими и даже почти незнакомыми мне людьми, я запирался в своей комнатухе и упивался дрянным дешевым и обычно краденным алкоголем до абсолютного беспамятства, чтобы, проснувшись утром или днем, или среди ночи, вновь устремиться на поиски следующей порции отравы. Белка-зомби в колесе ежедневных смертей и воскрешений.

Комнатуха моя – остатки роскоши былой, купленная на деньги, с болью укроенные от наркотиков и алкоголя, была частью коммунальной квартиры, а значит, имела с соседями общую кухню, но то – полбеда, и (О, горе!) общий санузел.

Будучи человеком, воспитанным в традициях, так сказать, и имея внутри себя с тщанием весьма достойным усвоенные нормы поведения интеллигента, я, пьющий по-черному бич, стеснялся выходить в общее пространство в своем ставшем уже некоей нормой неприглядном обшарпанном и потасканном виде.

Но, вот беда! Алкоголь жидкий и как любая жидкость, будучи однажды выпитым, рано или поздно он требовал выхода наружу. Часть нужды в состояниях еще околорвертикальных я таскался справлять на улицу, для остальных же случаев имел подле себя ведро, кое опорожнялось мною раз в сутки-двое в ночное время в общественной уборной. Тогда же, правда с менее завидной регулярностью, я мылся.

Итак, декорации расставлены, и мы вплотную подошли к действию, имевшему одно чудное свойство обоюдоострого меча, ну или скажем палки, просто палки. Оно стало абсолютно ожидаемый и логичным концом с одной стороны и совершенно невероятным началом – с другой. И так, конец. Меня убили. Меня убили алкоголь, наркотики, абстиненция и, как бы иронично не вписывалось данное слово в общий ряд, гравитация.

Забравшись где-то в промке на плохо охраняемую базу (или не базу, черт ее разберет), я стащил там изрядный моток медного кабеля. Ну, то есть «стащил» говорить пока рано, я его выволок волоком из хлипенького для такой ценности дощатого сарайчика. Дотащил до бетонного забора, и здесь

вдруг подтвердилось классическое «Дьявол, кроется в деталях».

Высота от земли до верху забора с моей стороны оказалась почти вдвое больше, чем снаружи, а, спрыгивая вниз, ведомый неутолимый жаждой я этого, естественно, не заметил. Кое-как взгромоздив тяжеленную бухту на вытянутых руках на гребень забора, я вновь вынужден был разочароваться, ибо бухта падать на ту сторону отказывалась на отрез. Пришлось, не отпуская одной руки от бесценной добычи, остальными конечностями кое-как затягивать себя наверх. И вот здесь уже свой финальный аккорд сыграла так неловко вписавшаяся в токсичный ряд человеческих пагубных страстей гравитация.

Стоило мне перекинуть одну ногу через забор, двумя руками притом вцепившись в драгоценный добычу, как вместе с моей прелестью, мы перешагнули тот незримый порог, до которого самопроизвольное падение полстакилограммовой тяжести было невозможно, а за ним стало неизбежно и неотвратимо. Краткий миг баланса, краткий миг падением вверх тормашками и отчетливый хруст позвонков у основания черепа под совокупным весом незадачливого вора и его добычи... Finita! Фатальное фиаско! Прокол ценою в жизнь! Хотя... разве это была жизнь?

В один миг я перестал чувствовать собственное тело, я даже не знал дышит ли оно все еще. Глаза продолжали видеть, уши слышать, в носу еще стоял мерзкий смрад комор-

ки сторожа, которого мне пришлось запереть, дабы пьяный в стельку пенсионер не помешал моему обогащению, но я не чувствовал тела. А затем, словно грянул неслышимый колокол, вся моя вселенная содрогнулась от вспышки чудовищной боли, мигнула и погрузилась в непроглядную тьму. Окончательной точкой моей глупой и совершенно несостоятельной жизни стала мысль, что я перестал чувствовать тело, но не перестал страдать с похмелья. «Обидно!» – подумалось мне напоследок, – «До соплей обидно умирать, не похмелившись!».

Глава 2 Начало

Да кто бы мог поверить, что конец
Способен стать началом? Правда, кто бы?
Что обрывающийся стук сердец и хрип утробный –
Лишь пауза, что сделал старый чтец?
Никто не верит, хоть кичится всяк
Крестами, куполами, Далай-ламой.
А екнет, и скорей за юбку мамы,
И каждый мнит что всяк, ушед, иссяк.
И вот вопрос – ровесник первых звуков,
Сложившихся века тому в слова:
«Лишь только с плеч скатится голова,
Что с тем? Конец? И где о том наука?
Где достоверность фактов, аксиом?
Жил человек и умер, где же он?

Умирать больно и дело не в том миге боли физической, которую успевает воспринять сознание перед ЭТИМ, дело как раз в ЭТОМ! В моменте отделения осознание от тела, отделения насильственного, кстати говоря.

Не имея четкой концепции конца физического бытия и следующих за ним метаморфоз, осознание цепляется за тело

как за последнюю пристань этого самого бытия. Вот тут-то и начинается БОЛЬ!!! Для нее нет ни слов, ни сравнений в человеческом мире, она не имеет ничего общего со страданием истязаемой плоти, она всеобъемлюща, она захватывает собой все осознание целиком как кокон и пронизывает насквозь мириадами нитей, рассекая, растягивая, разуплотняя, развеивая. Эти нити тянут осознание из тела прочь, и, лишь только оказавшись вне привычной оболочки, лишившись всех испытанных за жизнь источников информации, осознание начинает воспринимать действительность.

У меня не было рта, чтобы кричать, у меня не было тела, чтобы кровоточить и ломаться, у меня не было ничего, кроме нахлынувшей на меня действительности. Именно она в первое время (Хм-м... Время?... Не помню, что это...) воспринималась как боль. Боль была порождена страхом окончательного исчезновения. Сейчас я точно знаю, имея за плечами солидный опыт, что, капитулирую я перед фактом смерти сразу, и у меня был бы прекрасный шанс насладиться, видом удаляющегося во тьму в эдакий «fade out» миром моей прежней жизни. Так же я мог бы быть восторжен видом Исходной Первичной Предвечной, да как не назови, Силы. Да! Именно видом.

Но я не знал, не имел, не капитулировал, и посему агония была чудовищной, а все ошеломительные космогонические виды, промчались мимо моего объятых пламенем пожираемого болью и страхом осознания, как столбы электропере-

дач мимо окна ночного поезда Саратов-Москва, то есть абсолютно незаметно. Боль воспринималась как тьма, пронизанная нитями света, вспышками то света еще более яркого, то тьмы еще более глубокой. Меня несло, волокно развешивало, казалось, целую вечность, так что, когда вспышки тьмы и света сменились ровным полумраком, а боль внезапно исчезла я еще какое-то время бился в несуществующей огонии несуществующего тела.

Хотя... Стоп!!!! Тело!?! Оно у меня есть!!! Снова есть!!! И это мое привычное, кажется, тело! Правда, пройдя через горнило БОЛИ, я, честно говоря, уже не помню кто я, что я, и какое у меня должно быть тело, но это, вроде, было мое.

Я стал отправлять в это тело сигналы, а оно стало откликаться. Вместе с откликом каждый раз приходила новая порция знаний и воспоминаний. Палец, улыбка, рука, голова. Мужчина – смущение. Голый. Пол – камень, прохладный, приятный. Свет – мягкий, умеренный, желтый, теплый, Земной. Лежу лицом вниз.

Медленно, точнее, даже медлительно и не умело я перевернулся на спину. Поток узнавания наполнился новыми понятиями: потолок, подсветка, шершавый, влага. Потолок каменный плоский шершавый и влажный, словно в пещере. Я собрался с силами и сел, огляделся. Небольшая комната кубической формы будто вытесанная в бетонно-сером каменном монолите; Стены и потолок очень грубо обработаны и сочатся водой; Пол гладкий, сухой, лишь слегка прохладный;

Воздух не пахнет ничем, если не считать легкого призвука озона.

Я попробовал встать, тело слушалось неохотно – я упал, решив тут же повременить пока со сложной моторикой. Не хотелось ни есть, ни пить, ни курить. О! Курить? Это понятие вдруг вскрыло целый пузырь воспоминаний. Я вспомнил кто я, я вспомнил, что... умер! Черт возьми!!! Где я?! Паника нахлынула незамедлительно, я заметался, заорал, кажется. Тогда свет, шедший от потолка, моргнул резкой вспышкой, и меня выключило.

Очнувшись, я все также не испытывал совершенно никаких ощущений, кроме уже знакомых. Да, кстати, паники не было, хотя память никуда не делась. Я смирился? Меня смирили. Я лежал на спине ровно по центру этой странно комфортный и словно бы давно привычной пещеры и наслаждался жизнью. Надо же! Что же я так раньше не мог?! Зачем я тогда делал все это с собой?!

Память нахлынула вновь чудовищной лавиной. И я молча беззвучно заплакал от этого взрыва невыносимой неконтролируемой глупости, которой оказалась вся моя жизнь. Я лежал, слезы текли, унося с собой боль, горечь несправедливость, оставался только чистый концентрированный опыт.

Когда поток слез иссяк я стал знать, что жизнь моя и была способом получить этот опыт. Стало жутко обидно, и я закричал. В потоке бессвязных выкриков как-то само собой прозвучало брошенное в пустоту единственное слово: «За-

чем?!».

Подсветка из углов растеклась равномерно по потолку, создав светящийся мягким графитом экран. На экране проявилась картинка моего нелепо изломанного тела под гнетом мотка медного кабеля. «Постыдная, надо сказать, картина... Таковую надо бы на надгробии вытесать в назидание» – подумалось мне. «Запрос принят» – ответил экран, и через секунду моего немого восторга и с тем трусливого удивления, – «Запрос отклонен. Недостаточно Очков Истины».

«Что это все?» – подумалось мне. Картинка на экране погасла и появилась надпись. НА РУССКОМ!!!

– Обучение пройдено. Заработано Очков Истины (далее ОИ) 42 из 100. Штраф за неоконченное задание 10 ОИ. Итого начислено 32 ОИ. Перейти в основное меню Колизея или повторить обучение?

«Что значит повторить обучения?» – подумалось мне. «Запрос принят» – ответил экран, – «Запрос одобрен. Списано 10 ОИ. Приготовьтесь к воплощению. 10... 9... 8...» Я только и успел, что застонать и сделать рука-лицо, как мир скомкался, и я вместе с ним.

Когда наконец отступили боль и амнезия, я не стал делать ничего, я просто лежал на спине и с глуповатой улыбкой взирал на картинку – небритого грязного, одутловатого отдаленно похожего на меня прежнего, только значительно старше, мужика, болтающегося в самодельной петле переки-

нутой через парапет балкона пятого или шестого этажа. От этой немудреной изобретательности, моей кстати, меня бросило в ледяной пот. На миг я утонул вновь в том отчаянии, которое толкнуло пожилого беззлобного совсем человека на этот кошмарный публичный жест безвыходности и с тем же – презрения к жизни, несогласия с ней и ее тотальной несправедливостью.

А мгновение спустя меня разобрал смех. Я понял, что значит повторить обучение! Сууука!!! Меня попросту откатило назад в эмбрион без памяти, без знаний, без ни-че-го! И я повторил собственную жизнь с прежними исходными данными: мама – папа – дата и место рождения и прочие, прочие, прочие, прочие настройки... В этот раз мне удалось протянуть почти на 20 лет дольше, но итог все также назидателен.

Памятуя о мысленном управлении, а оказавшись в моей пещере, я стал помнить и обе попытки обучения, и время, проведенное между ними, я попробовал обратиться к потолку вслух: «И что дальше?». Потолок услужливо сменил картинку обмочившегося напоследок висельника строками сухого текста.

– Обучение Попытка 2 завершено. Набрано 58 ОИ, штраф за незаконченное задание 10 ОИ, бонус за изобретательность 13 ОИ. Итого: Обучение Попытка 2 – 61 ОИ из 100. Всего за две попытки – 83 из 200 ОИ.

Прежде чем хоть малейшая мысль успела проскочить в моей голове, я выкрикнул: «Перейти в основное меню! Пе-

рейти на голосовое управление! Запрет на чтение мыслей!». «Запрос принят. Зачтено обучение. Начислено 83 ОИ. Идет инициализация... Идет инициализация... Идет инициализация... Когда начался обратный отсчет я мысленно сжался, скукожился в крохотный комок страха и смятения. Отсчет дошел до нуля, свет вспыхнул, затопляя мою пещеру, и...

Глава 3 Ставки, закладки, два очка

Ты столько раз смеялся надо мной,
Когда я к цели шел, забыв о боли,
Ты столько раз смеялся за спиной
И за спиной остался, дух без воли.
Ты столько раз просил меня «Прости!»,
И я прощал, но помнил все обиды,
И все же продолжал тебя нести,
Не подавая, впрочем, даже виду.
Ты мой позор, печаль и боль моя!
И ум твердит: «Бросай его, и хер с ним!».
Но ты живой! Ты – настоящий “Я”,
А я – всего лишь лучшая из версий.

...и ничего не изменилось. Свет, на миг затопивший мою пещеру, схлынул обратно к верхним граням стен, оставив графитово тлеть экран потолка с застывшей на нем надписью «Инициализация завершена успешно».

Я продолжил лежать, надпись никуда не девалась. Я попробовал пошевелиться, и тут и проявилась разница. Мое тело буквально вскочило, оно налилось плотностью, силой, жизнью. Пройдя порывистыми шагами несколько раз ту-

да-с сюда по периметру пещеры, я пришел к выводу, что никогда в жизни мое тело не было настолько моим. Насытившись этим новым чувством силы и подвижности, я сел в центре пола и закрыл глаза.

Ум тихо ликовал. Он был живым подвижным, но послушным. Я приказал ему умолкнуть и воцарилась тишина, я ждал. Не знаю, сколько прошло времени, здесь оно не воспринимается совершенно, но ко мне пришла готовность. Готовность ощущалось, как расслабленная собранность тела, ума и духа. Да, духа! Дух стал ощущаться явно и словно бы наособицу. Я стал знать, что делать.

«Что такое Колизей?» – голос мой звучал сильно, напористо и отрывисто. Я восхитился собственным голосом! Я вообще был восхищен собой впервые в жизни, в двух с лишком жизнях.

Графитовая муть экрана рухнула из-под потолка, окружив меня, будто растворив пространство. Я вытянул руку и совершенно неожиданно для себя продолжил четко видеть даже кончики пальцев с аккуратным, впервые же в жизни, маникюром. Я будто завис в графитовой глубине в состоянии безразличного равновесия, даже ноги перестали чувствовать пол, даже вытянутую руку, не приходилось поддерживать, она плыла сама с собой, но и вместе со мной в этом море графитовой зыби. Я попробовал повернуться, ощущение вращения было, но ничего не менялось. Тогда я приказал себе остановиться и движение прекратилось немедленно. Я это

просто знал, иных признаков по-прежнему не проявлялось. Я сосредоточил внимание на кончике указательного пальца вытянутой руки, там что-то блеснуло. Искра стала приближаться с неимоверной скоростью – это каким-то образом чувствовалось, но увеличивалось при этом очень медленно. Вокруг стали проявляться новые искорки, сливаясь в облака туманностей, в гроздь галактик.

– Это космос! – понял я как-то очень естественно и вдохнул благоговейно полной грудью предвечный вакуум, не на миг не сомневаясь, что это возможно и невероятно приятно. Так оно и вышло.

– Это не космос, это Колизей, – голос шел отовсюду, отвечая на мои мысли так, как если бы я не запрещал их читать. Тем временем голос продолжил все так же монотонно и отовсюду сразу: – Колизей – это система вероятных существований. Здесь индивидуальное осознание растет и развивается в битвах и вызовах, взращивая дух и расширяя собой Колизей.

– С кем я должен сражаться?

– Это зависит от выбора вероятности.

– Что такое система вероятных существований?

Картинка крутанулась, бросилась в лицо, приближаясь. Я разглядел Землю, мою Землю! Земля надвигалась, увеличиваясь, пока я не рассмотрел свой город, потом дом, потом квартиру. И вот тут меня чуть не разорвало на части. Два одинаковых, но разных меня одновременно перемещались,

двигались, действовали и бездействовали, это было отвратительно! Я смотрел обе свои попытки одновременно, причем это не заняло времени, я просто единомоментно впитал это месиво. Экран стянулся обратно к потолку, а я рухнул на четвереньки, и меня стало рвать желчью. А потом осознание угасло.

Пришел в себя я полный сил, свежий и в ясной памяти сидящим в позе лотоса в центре своей пещеры. Это верная позиция, верное место, понял я. Рвотных позывов уже не было, как, впрочем, не было и желания повторять опыт этой кошмарной раздвоенности. Я приказал уму умолкнуть. И в воцарившейся тишине стал ждать новых озарений, однако у экрана было свое мнение на этот счет, и теперь развернувшись прямо у меня под веками графитово подсвеченное марево расцвело строками текста.

- Перейти к испытанию;
- Повторить обучение;
- Выбрать режим;
- Потратить очки истины.

От мысли о повторение обучения меня снова затопило липким потоком тревоги, затошнило, и система не стала настаивать – этот пункт, мигнув, потерял цветность, став темно-графитовым, на общем более светлом фоне. Я попробовал выбрать режим, однако, и этот пункт моментально выцвел, а «голос отовсюду» сообщил мне, что выбор режима станет доступен лишь после прохождения первого цик-

ла. Сколько я не требовал разъяснений, но понятие первого цикла, так и осталось для меня загадкой.

Итак, перейти к испытаниям или потратить Очки Истины? Испытаний не хотелось совершенно, поэтому я попробовал вариант с ОИ. Вопреки моим ожиданиям пункт не выцвел, а раскрылся таблицей, уходящий в бесконечность. Доступными и читаемыми, правда, в ней были лишь несколько пунктов:

- Повторить обучение 10 ОИ;
- Сделать закладку 2 ОИ;
- Перейти к закладке 16 ОИ;
- Добавить подсказку 50 ОИ;
- Сделать ставку от 10 ОИ.

Настойчивость, с которой мне предлагалось повторить обучение, заставила насторожиться, поэтому я как-то машинально, даже не осознав посыл, потушил экран и остался в тишине.

Мысли текли ровно и поразительно системно. Я вспомнил обе свои попытки, и там, и там мое своеволие, моя ранимость и полное безразличие к себе привели к провалу миссии. Я осознал, что не понимаю цели миссии. Если судить по начисленным очкам, то их количество до начисления штрафов напрямую коррелирует с количеством прожитых лет. Но ведь были и бонусы «За изобретательность», я почувствовал, как на лице проснулась улыбка. И почему из 100? Там точно было написано 61 ОИ из 100 и за две попытки – 83 ОИ из

200. То есть больше 100 за попытку набрать нельзя?

Меня одолела тоска, я не мог решиться. Дух мой утверждал, что должно попробовать пройти обучение на 100 или более, а ум трепетал, и пятился. Победил дух, и я решил, что в общем-то ничем не рискую, но нужно подготовиться.

– Что значит добавить подсказку?

– В точке, определенной как ключевая Вам будет дана подсказка, и станет доступен пункт сделать закладку.

– Та-а-ак... Это 52 очка истины, остается 21, из них 10 – на повтор обучения, итого в остатке 11...

– Что будет при обнулении Очков Истины?

– Вы будете стертый из всех вероятностей.

Вот так поворот! То есть я не через чур бессмертный... М-да... ну ладно. Информация легла легко и без судорог, но холодок по позвоночнику пробежал и засел морозной иглой где-то в мозгу. Ну ладно, продолжим.

– Что значит сделать ставку?

– Вы можете сделать ставку на исход испытания.

Ну да, я почему-то так и думал. Хорошо, если оставить одно очко истины в резерве, то я почти ничем не рискую почти. Почти... От этого «почти» зазвенело в ушах, я снова замер в тишине.

– Колизей, я желаю повторить обучение с одной подсказкой, ставка 10очков истины на то, что я наберу более 80 ОИ за попытку.

– Ставка принята. Коэффициент 1 к 2. Списано 50 ОИ,

списано 10 ОИ, списано 10 ОИ, зарезервировано 1 ОИ. Приготовьтесь к испытанию. 10... 9... 8...

Я очистил ум и собрал дух воедино, и тогда я увидел откат. Пережитая перед этим раздвоенность не идет ни в какое сравнение с чувством упаковки в эмбрион, фрагментирование и блокировки памяти, опыта. Я был духом, но не личностью, а потом у мамы начались схватки, и я перестал быть «Я» совсем.

Глава 4 Славик

Сдерни маску обезьяны,
Мальчик, ты иного сорта.
Научился быть четвертым
Даже между самых пьяных.
Научился спать до ночи,
Научился пить из блюда,
Над тобой давно смеются
Все, кто хочет и не хочет.
Снимешь маску обезьяны,
А под нею – боль и слезы,
Ни следа былых изъязнов –
Звезды.

Славик хороший мальчик, он добрый, он умный и начи-

танный. Для любого взрослого с первого взгляда видно, что у Славы большое будущее, или, во всяком случае, впереди у него долгая счастливая жизнь надежного обеспеченного мужчины, доброго семьянина, примера в любом коллективе. Пройдет несколько лет, Слава отучится в институте, получит профессию, и работодатели встанут в очередь, лишь бы Вячеслав Николаевич осчастливил своим ответственным и, несомненно, примерным участием их дружный, но нерадивый коллектив.

Однако судьба распорядилась так, что Славик, как и любой подросток своей страны в ту самую эпоху, где Славику не посчастливилось родиться, рос и вырос в окружении не взрослых, а таких же, как он подростков-сверстников. Подростки же, в отличие от взрослых, несклонные к столь глубокому системному анализу и уж тем более к оценке высоких Славкиных морально-духовных качеств как положительных, считали Славика чмом и гнобили почем зря.

Высокий, выше всех в классе, массивный Славик был классическим трусом и нюней, распуская слезы и слюни не то что от побоев, но даже от угроз, что подталкивала окружающих его волчат забавляться с этим увальнем, пока не надоест. А им не надоедало никогда.

Однако у Славика был друг, единственный готовый постоять за него друг – я. Батя воспитывал из меня мужика, а мама заботилась о моем образовании, так что дать отпор, я мог и словом, и кулаками. Мог и давал. За себя и за Славку.

Для меня он был ценен, как единственная живая душа во всем свете, кто с готовностью и интересом меня слышал и слушал. Не в смысле «слушался», на это мне было наплевать, я родился одиночкой и не стремился подминать, воспитывать, вразумлять. Славик меня мог выслушать, поэтому с недавних пор его перестали чморить, и он расправил, как говорится, плечи.

Мы кругом ходили вдвоем и мало интересовались делами школьной и дворовой пацанвы. Девчонки же нам нравились, но пока были не по зубам. Мы как-то так единым умом сошлись на этом мнении, посему на сверстниц заглядывались, но не посягали, что окончательно вычеркнуло нас из территориальной гряды местного шакаля.

Однажды я рассказал Славке свою главную тайну, и он мне (О, чудо!) поверил безоговорочно, и абсолютно искренне. На том-то мы и сошлись. Сидели как-то однажды на лавочке в сквере после второй смены, запивая газировкой один на двоих батон. Домой идти было еще не пора, да и не хотелось вовсе. Погода стояла сумасшедшая, восхитительная! Не жарко, не прохладно, низкое солнце сквозь сахарную вату облаков заливало аллею совершенно магическим светом цвета персикового йогурта, или как будто смотришь на все эти тополя и каштаны через сахарный леденец-петушок на палочке. Это не весна, не осень и не лето. Это не время даже, а скорее какое-то замирание. Тут-то я и решился.

— Мне все время один и тот же сон снится. Никому об этом

не рассказывал, и ты не рассказывай, а вот тебе расскажу.

– Угу, – угукнул с набитым ртом Славик и развернулся ко мне, насколько позволяла лавочка, обратившись целиком в сдержанное внимание.

Я надолго замолчал, все еще прикидывая, не дал ли лишку. Славик сидел, молча смотрел на меня и монотонно жевал. Заметив это, я улыбнулся и окончательно решился.

– Мне снится пещера!!!

– Угу.

Нет, подумать только! Я ему рассказываю свою самую главную тайну, а он и ухом не повел, ни расспросов, ни приставаний, ни насмешек. Он даже не сказал «Да ла-а-а-адно...», как это принято у всех, кого я знаю, в подобных случаях. «Настоящий друг!» – решил я и продолжил.

– Представляешь, раз в неделю точно снится, что я сижу на полу пещеры, квадратной такой, ровно в центре.

– А в высоту она какая?

– Да-а, ну... Не знаю... Такая же... Наверное...

– Значит, кубическая! – Славка хлопнул носом и деловито почесал над правой бровью пухлыми с идеально подстриженными ногтями пальцами.

– Ну да, я так и сказал! – Мне стало досадно. Это что за вопрос?! Ну кубическая? Ну квадратная? Какая разница, в конце концов, если это пещера?!

– Она вся из серого камня. Пол гладкий, а стены и потолок – нет.

– Значит, ее кто-то сделал. Искусственная, значит, твоя пещера.

– Вот именно что МОЯ! – Последнее слово я выделил особо, чувствуя особую теплоту в сердце и прилив какой-то нежности что ли...

– Я в первый же раз там на полу плюнул и пальцем рожицу нарисовал.

– Осталась?!?

– Секешь! Сегодня снова снилось, и рожица – на месте!

– А ты туда как попадаешь?

– Не знаю. Я засыпаю дома, потом мне что-то снится, потом я просыпаюсь в Моей пещере, а потом – еще раз, уже опять дома.

– Сразу?

– Да нет... Не сразу... Нет, короче, через... Э-э-э... Через время.

– И что ты там делаешь, кроме рисования рожиц?

– Да ничего... А чего там делать?! Она же пустая совсем...

– Ну фиг знает, поговори с ней, что ли...

Это его простота меня почему-то очень сильно задела и даже оскорбила. Нет виду я, конечно, не показал, не хватало еще, но больше мы о пещере не разговаривали ни в этот вечер, ни в какой другой. Пещера просто осталась между нами.

Через неделю где-то, когда надо мной так никто и не стал подтрунивать по поводу всяких там пещер, я уверился в том, что Славик – мой настоящий друг, и заужал его как-то по-

иному, по-взрослому. А пещера мне снится вдруг перестала. Однажды много-много позже, кажется, почти через год мы со Славкой вернулись с тренировки по баскетболу. Куда стали ходить вместе просто потому, что Славик был высок и его в секцию пригласил лично сам тренер Валерий Палыч, а я увязался следом – что мне было делать после школы, когда Славика нет? Мы расстались посередине двора, Славка вразвалочку пошел к своему подъезду, жили мы в домах напротив, а я отправился домой поспешно и радостно, с некоторым даже нетерпением. Предков пока еще дома не было, и можно было побыть одному в тишине, как будто взрослый и живу сам по себе.

Мне нравилась эта игра со своим воображением. Я ложился на диван и представлял, что пришел уставший с какой-то очень важной и ответственной работы, и вот мне надо быстро отдохнуть и садиться за документы – так я стал называть уроки. В общем, я завалился домой, действительно уставший, ополоснулся в душе, закинул спортивную форму в корзину для стирки и пошел в зал на диван играть во взрослую жизнь.

Как меня сморило, я не заметил, но вдруг стало снится мне, что я старше года на три и захожу за своим другом, а зовут того друга Серега, а кажется мне смутно, что тут вроде какой-то Славка жить должен. Но я отмахиваюсь от этой блажи, и мы с Серым идем пить пиво. Сидим на нашей лавочке в скверике, и тут Серый, повернувшись ко мне, насколько

ко позволяет лавочка, и спрашивает: «Ну что, ты с ней разговаривал?». Я хочу его спросить, с кем, мол, а уже ни лавочки, ни скверика, ни Сереги... Кто он, кстати, этот Серега вообще такой?! Хотя, вроде, помню его много. Пива вместе было выпито без счета, но потом в универе судьба развела, я отдался вольно-пьяной разгульной студенческой жизни, а Серж пошел по науке... Стоп!!! Какой Серж?!? Какой универ?!? Какое пиво вообще?!? Я ж его на дух не переношу даже запах!!! Хм-м, Афанасий... темное, кстати...

Я сижу в центре пола в Моей пещере. Мне насмешливо улыбается рожица. И тут до меня доходит, я выкрикиваю, словно боясь опоздать: «Кто ты?!». «Я – Славик. А ты кто? Помнишь?» – голос идет отовсюду, и я больше не могу сопротивляться, не могу больше не помнить, делать вид, точнее. Я вспомнил, вспомнил все одним разом. Это просто рухнуло на меня! Рожица, разрастаясь, переползла с пола на экран и сменилась надписью «Закладка создана. Списано 2 ОИ. Баланс 16 ОИ. Резерв 1 ОИ».

Я проснулся в холодном поту, сон ускользал, оставляя в голове память, что я тут не впервые, и все не по-настоящему. Проворочившись большую часть ночи и лишь под утро сомкнув ненадолго глаза, я пришел в школу уставшим разбитым и невыспавшимся, и это в день моего шестнадцатилетия! Хреновый подарок от судьбы, да и Славка куда-то запропастился. Я ждал его весь день. Аж подпрыгивал от неизвестности и от желания рассказать другу все, и от давящего

неотступного чувства близкой и непоправимой беды.

В конце концов с последнего урока я просто сбежал ведомый ощущением этой неотвратимости. Не в силах больше выдерживать ее давления я бежал, как никогда в жизни. Расстояние от школы до дома промелькнуло мимо меня с какой-то неправдоподобной скоростью. Уже подбегая к Славкиному дому, я увидел машину Скорой и двух мужиков в белых халатах, выносящих из подъезда накрытые несвежей, грязно-блеклой простыней носилки. Из Славкиного подъезда!!! Я еще поднаддал, хотя до этого был уверен, что и так бегу далеко за пределом собственных сил. Мужики уже наладились вкатить носилки в задние двери УАЗика Скорой, когда я подбежал, на ходу крича: «Стойте! Стойте, это мой друг! Стойте, умоляю вас! Стойте! это мой друг! Умоляю...». Наверное, мои крики как-то подействовали. Мужики замерли в нерешительности, замерли и зареванная тетя Таня с дядей Колей черно-зеленым от тоски и ужаса. Я подбежал к носилкам, пока мир завис на секунду, откинул серую влажность простыни с белого как сахар Славкиного лица и, сам не понимая, что делаю, плюнул ему на лоб и нарисовал пальцем смешную рожицу! Славка стал розоветь, распахнул глаза, резко вдохнул, приподнимаясь на носилках, мир отмер, а на меня рухнула светло-графитовое море тишины с зависшими в нем строками:

– Закладка активирована. Списано 16 ОИ. Баланс 0 ОИ. Вы погибли. Резерв 1 ОИ. Вы перенесены в личную комнату.

Жертва не признана необходимой. Жертва признана искренней. Жертва принята. Возвращено 16 ОИ. Бонус за выполненное задание 100 ОИ. За Обучение Попытка 3 начислено 116 из 100. Ваша ставка сыграла. Начислено 20 ОИ. Баланс 136 ОИ. Резерв 1 ОИ. Обучение пройдено. Начислено 100 ОИ. Баланс 236 ОИ. Резерв. Добро пожаловать, Герой! Откройте Основное Меню, чтобы ознакомиться с доступными заданиями.

Я, который уже снова «Я», сидел на полу в позе лотоса и не собирался ничего предпринимать в ближайшие лет 100. Под веками закрытых глаз мчались звезды, созвездия и туманности, галактики и скопление галактик, и все это разделенное между собой бесконечными просторами графитово-серой вероятности. Я плыл в этой пустоте, ощущая невозможное непрерывное пульсирующее ровным сердечным ритмом блаженство бытия.

Глава 5 Я

Я не сделал домашнее задание,
Я снова приснился себе голым,
Я строю из слов нестройное здание
С влажным от жалости полом.
Я окружаю себя людьми,
Созданными силой безумия,
Я сумасшедший, я, черт возьми, —

Сумбурная сумма «Я».

Я не в ответе за завтрашний день,
За новый шаг к краю пропасти,
Я превратился в бесплотную тень,
Молящую, чтобы Бог простил.
Я одинокая злобная тень,
Я – это все, чем казаться не лень.

Напитавшись покоем и тишиной, я выплыл из глубин обратно в объем своей пещеры. Называть ее своей стало приятно и вообще казалось правильным. Расположившись на привычном уже месте в центре пола и приняв позу лотоса, как единственно возможную по моим новым ощущениям позу расслабленной собранности, я огляделся.

В пещере наметились изменения. В верхнем левом углу стены напротив меня оказалась выцарапана в квадратной рамке со скругленными углами смешная рожица, до мурашек знакомая по последнему этапу обучения. Моя закладка, оживившая Славика, теперь, будучи вписанной в такую вот рамку, стала похожа на кнопку в лифте или пиктограмму петроглиф где-то в палеолитовой пещере кроманьонцев. Я подошел и попробовал нажать. Ничего, просто рисунок, наскальная живопись, напоминание о былом, трофей.

Из левого же нижнего угла к противоположной стене по полу, пролегла бороздка диагональ, я поковырял пальцем и

ее. Гладкий желобок, отшлифованный, как и весь пол, полукруглый, идеально по форме повторяющий мой ноготь, словно это я проскреб его указательным пальцем. Впрочем, меня это совпадение несколько не удивило. Удивил скорее факт, что я не удивляюсь. Но и это удивление сошло на нет, не оставив и следа возмущения в моем обновленном уме таком послушном и гибком.

Первым порывом было открыть Меню и бросится, очертя голову, в какую-нибудь очередную лютую авантюру. Следующая мысль отрезвела: «А чего это я, собственно, завелся?». Приказав уму не мешаться, я погрузился в тишину, и ответ пришел сам с собой: «Я не знаю, кто я».

Действительно. Я трижды был подростком, один раз принес себя в жертву ради друга, один раз умер от алкогольно-наркотического безумия и еще раз, проваландавшись всю жизнь без цели, весьма незаурядно повесился. Сейчас все эти разные жизни лежали перед моим мысленным взором словно карты местности, и я мог сравнивать их.

Где был настоящий я? Тот первый, что метался в безумии, истязаемый смутными тревогами и незадаанными вопросами, ответы на которые так хотелось забыть, ревел зверем, мечтая заполнить зияющую пустоту внутри? Или второй доживший до пятидесяти восьми лет тихим добродушным слесарем-алкашом, никогда никому не сказавшим дурного слова или даже слова поперек, а в итоге рванувшимся от невыразимой тоски невысказанных, накопленных за жизнь

чувств с балкона с крепкой нейлоновой петлей на шее?

А может, третий как раз настоящий? Он больше всех похож на того самого «настоящего человека» из книг и фильмов ушедшей эпохи моего советского детства. Хороший друг, хороший сын, хороший ученик, неплохой спортсмен, не по годам философ наконец. Тихий и сильный, он был одиночкой, то есть никогда не был одинок, он был полностью самодостаточной личностью. Мне даже дали за него награду!

Это все, конечно, да, но кто же я? Я, сидящий сейчас здесь, в моей пещере, почти что сверхчеловек, полубог, способный прожить жизни, жертвовать ими, и оставаться спокойным в своей безупречной позе лотоса, кто я? Для чего все это? Почему, живя первую, да и вторую жизнь, я не имел тех же возможностей, что в третий раз? Почему, считая собственную жизнь настоящей и единственной, я выбирал прожить ее совершенно скотски, или уж хотя бы просто мученически бесполезно? Почему в третий раз, имея подсказки, я предпочел не пресыщенную жизнь человека-над-человека на вершине людского мира, а ведь мог, а безумную безнадёжную жертву, без сомнений и сожалений?! Сейчас-то я вижу, что в тот миг, когда активировал «откат» Славика к закладке, я все понимал. Я знал, что это прямой обмен «жизнь-на-жизнь» ...

Могу ли я быть всеми ими сразу? Покатал вопрос на языке, попробовал почувствовать что-то к первому и второму «Я»: жалость, сочувствие, неприязнь, сарказм и ирония...

А к третьему? Уважение, зависть, непонимание, недоумение и даже какая-то ущербность от его, почему-то кажущейся недостижимой, безупречности. Я бы хотел быть его другом, да, но я не верю, что я мог бы быть им, что сейчас смог бы принести себя в жертву, не зная о припасенном бессмертии. Он мой герой, но он не я.

Так кто же я? Что я вообще такое? Я способен в своем нынешнем состоянии прожить сколько угодно долгую жизнь, без еды, воды, воздуха плывя в графитовом море бесконечной вероятности и созерцая рождения и смерти галактик, но не действуя. Так жив ли я, ни на что не влияя? Или я просто регистратор с бесконечной памятью и атавистическими остатками человеческих реакций, но лишенный цели, мотивов и даже самой возможности влиять хоть на что-то кроме степени собственного душевного раздвоя?!

«Кто я нахер?!» – проорал в пустоту. Точнее, даже это сделало мое тело, переполненное энергией непрожитых, невыраженных, невысказанных, гниющих где-то внутри чувств. Как паровой котел без перепускного клапана, я, буквально, взорвался этим вопросом, и графитовое море вокруг меня пошло волнами.

Я отчетливо видел, как эта волна двинулась в сторону звездной системы на периферии спиральной галактики. Я увидел в том самую неотвратимость, непоправимость действия во власти чувств, безысходность все того же безумия, что толкало меня ломать себе шею, или совать ее в петлю.

Галактика вращается, но скорость вращения, пусть и непостижимая для человеческого разума, все равно недостаточно велика, и волна заденет несчастную звездную систему, сметет. Я видел это, и меня охватил холодный ужас, я рванулся всем собой в сторону обреченной галактики и...

...Перед глазами вновь моя пещера. Правда пол расчерчен уже крест-накрест диагональными бороздками, на стене напротив меня рядом с рожницей появился теперь еще и знак вопроса, такой же, таких же размеров и в точно такой же рамочке. А на экране над головой повисла строка: «Доступен вызов «Закат». Откройте «Основное Меню», чтобы ознакомиться с условиями».

Внутри все сжалось от нестерпимой боли, одиночества и отчаяния, от неотвратимости, от безжалостного чувства вины и стыда. Я закрыл глаза и заставил вероятностную рябь разродиться строчками Меню:

Добро пожаловать Герой!

– Принять вызов «Закат»;

– Ознакомиться с условиями вызова;

– Выбрать режим;

– Потратить Очки Истины.

Баланс 236 ОИ. Резерв 1 ОИ.

При попытке выбрать режим, я снова узнал, что загадочный «Цикл 1» не завершен, и выбор недоступен. Что же,

ознакомиться с условиями вызова хотелось больше, чем бросаться в авантюру. Краешком сознания я отметил эту перемену в себе и, ощутив мимолетное успокоение, выбрал соответствующий пункт Меню.

– Волна возмущения пространства-времени, вызванная неизвестной силой на заре мироздания, зафиксирована средствами контроля космоса в мире с самоназванием «Непримиримость». Вам надлежит предотвратить катастрофу, либо стать ее свидетелем для пополнения базы знаний Колизея. Перейдите в пункт Меню «Потратить Очки Истины» для выбора начальных условий. Особые условия:

– Отказ невозможен;

– В случае провала миссии Вы будете удалены из всех реальностей.

Зазнобило. Понимая всю непоправимость уже теперь моей, а не чьей-то там чужезвездной ситуации, я даже не смог с ходу собраться, чтобы с первого раза перейти в нужный пункт. Открыл глаза и долго молча сидел, глядя в одну точку где-то за пределами моей пещеры, моей личности, моей жизни. Вообще за пределами, и все. Хотелось кричать, но я молчал, молчал и дышал, пока спокойная злость, оказывается так бывает, не разлилась по моему телу. Пока не ощутил, как дух мой твердеет и приобретает форму тяжелого двуручного обоюдоострого меча багряно-кровавого цвета. Это напугало, и я остановился.

Вернувшись к нормальному потоку, я тут же был вновь выбит из колеи. На стене напротив рядом с рожницей и знаком вопроса появился третий квадратик – с мечом. На потолке настойчиво мигала строка: «Перейдите в пункт Меню «Потратить Очки Истины»».

Я выдохнул и перешел. К уже знакомым пунктам таблицы возможностей добавились новые:

- Принять вызов «Закат» – 0 ОИ;
- Выбрать аватар – от 15 ОИ;
- Зарезервировать Ультиматум – 90 ОИ;
- Предъявить Ультиматум – 90 ОИ;
- Меню в режиме вызова – 90 ОИ.

Аватар? Ультиматум?! Да, черт возьми, сколько можно морочить голову?! Я снова ничего не понимаю! Все это ознакомление с условиями и прочие формальности лишь только больше путают и сбивают с толку!

Почувствовав, что вновь киплю на грани потери себя, я встал, походил кругами, поужговаривал своего внутреннего невротика: «Хватит проблем и тех, что уже наворотил своей наворотил своей необузданностью! Тише, друг мой, тише. Без пены. Да, Колизей предпочитает не давать ответов на жизненно важные вопросы, но он и не предлагает, как мне теперь кажется, невыполнимых заданий». Это помогло, давление изнутри выравнивалось со внешним, и я вновь перестал быть самому себе угрозой и бедой. Побесившись для про-

формы еще минуту и выдохнув, я решил далее не терзаться неизвестностью, теряясь и плутая в новых загадках системы. Черт с ней! Пусть зол и возмущен, но я собрался с духом и объявил:

– Я принимаю вызов «Закат» и желаю выбрать аватар.

– Доступны аватары:

Масси. Мужчина. 36 локальных лет. Находится в точке с вероятностью реализации вызова 0,420.

Нан. Мужчина. 14 локальных лет. Находится в точке с вероятностью реализации вызова 0,011.

Не позволив себе в этот раз даже секунды губительного гнева и рассудив, что вероятность 0,42 уж всяко лучше, чем 0,011, а на остальное плевать, я объявил:

– Я выбираю Масси!

– Списано 36 ОИ.

– Включить доступность Меню в режиме Вызова!

– Списано 90 ОИ.

– Зарезервировать Ультиматум!

– Списано 90 ОИ.

– Перейти к вызову!

– Баланс 20 ОИ. Резерв 1 ОИ. Идет инициализация вызова «Закат» ... 10... 9... 8...

Я вновь зацепился взглядом за знак вопроса на стене и с нарастающей ненавистью уставился на него, четко осознавая, что именно мои самокопания привели чужой мир, а теперь еще и меня вместе с ним на грань гибели. Незаметно

и как-то исподволь ярость вскипела во мне с новой силой, отнимая волю и разум. Знак вопроса налился кровавым кармином, и в этот момент отсчет дотикал свои неотвратимые мгновения, мир скрутился в спираль, размазывая меня по бесконечной вероятности беззвучно воющим веретеном из плоти, разума и духа. Лишь краем сознания, уже распадаясь на субатомные составляющие, но все еще оставаясь собой, я скорее ощутил, чем услышал голос Колизея: «Ваша ярость не знает границ! Включен режим «Ответ важнее жизни!». В глобальную закладку вложено 21 Очко Остины. Пиктограмма активации – «Знак вопроса». Баланс – 0 ОИ. Резерв – 0 ОИ. Герой не активен. Удачи, Масси!

Глава 6 Закат

Сгорая пламенным рубином до угля,
Огромный шар уходит на покой,
И вздрагивает выдохом земля
Моей любви счастливой и живой.
Там за рекой я столько раз сражался,
За право быть последним на Земле.
Река исходит паром, Солнцу тлеть
Короткий только миг еще остался,
А с ним – и я.., Но разве я хотел,
Но разве я мечтал, мой Бог, когда-то
Писать собой на тлеющем листе

Моей любви последней Хронику Заката?!

Дописывать и знать, что допишу,

Остатней каплей ставя точку.

Дописывать и знать, что не дышу

Уже как три удара сердца точно...

Бретер и хроникер! Я сам себе не брат!

Не мой рассвет грядет, но это мой закат!

Нан сразу после времени сна ушел с остальными мальчишками в Круг, где Мастер будет гонять их с деревянными мечами и щитами без снисхождения и пощады, пока юные воины не попадают на взрытый и перемешанный с кровью и потом песок тренировочной арены чуть не замертво. Мару, моя Мару, моя единственная, моя последняя любовь сейчас в Академии преподает свою непонятную мужчинам Сердечность.

Я откинулся в кресле и, прикрыв глаза, стал любоваться супругой. Всегда, если мне нужна поддержка, я закрываю глаза и вижу мою Мару. Это их Сердечность, она именно такова. Дает жрицам невероятную силу, но и требует в ответ невероятного. Я многого не знаю, это их тайны. Да мне и не надо, зачем? Главное – всегда рядом. Закрыв глаза, я увижу, как могущественная жрица и по совместительству моя жена, моя гордость и моя отрада поворачивается ко мне и гладит своей теплой рукой, и говорит что-то самое важное в этот

момент, чтобы мое сердце умягчилась, а ум остановился.

Я хроникер – это моя функция. Я в своем роде единственный здесь, я единственный Мастер-хроникер мира Огня Содружества «Непримиримость». В мире Тени – свой хроникер – мой непримиримый брат. Мы никогда не встречались, ибо в этом гибель одного из нас. Такова Непримиримость, но я знаю, что он так же, как и я, ведет хронику родов, достижений, открытий и дуэлей. Такова функция, и я знаю, что мой непримиримый брат также предан делу, мы в том едины.

Мару... Я вновь с улыбкой подумал о супруге. Вообще-то хроникер не может иметь семьи, ведь, чтобы жениться на жрице, нужно победить в дуэли, а хроникер – не бретер, просто не может им быть, нельзя одновременно служить двум мастерам.

Моим мастером по жребию, брошенному уже почти 37 лет назад и указавшему на мою готовящуюся родить мать был старый Хасдар. Действительно уже очень-очень старый, помнящий прапрадедов нынешних стариков, во сне он видел, что ему осталось еще всего шестнадцать раз любоваться Океаном Вечности – огромным неизменным уже тысячи лет темным идеально круглым пятном на бурливом и изменчивом теле Единения – газового гиганта, спутниками которого и являются Огонь, Тень и Вызов – три мира Содружества «Непримиримость». Жрицы подтвердили его видение, и тогда была жеребьевка.

Хроникера выбирает жребий, ибо функция сия хоть и ува-

жаема и почетна, но никогда ни одним мальчишкой выбрана по доброй воле не будет. Бретер – вот истинная страсть, вот сладкое видение каждого сна любого мальчишки в Непримируемости!

Всю работу по обеспечению быта Огня и Тени – обоих обитаемых миров Содружества уже многие сотни лет выполняет автоматика. Автоматы производят новые автоматы, автоматы чинят автоматы, и лишь узкая замкнутая каста Негодных занимается их контролем и обслуживанием. Негодные – те, кто рожден мальчиком, но кому не стать бретером. Даже в наше просвещенное время Непримируемость нет-нет, а рождает мальчишек непригодных для продления рода. Конечно, инженерия, да и могущество жриц Сердечности способные это легко исправить... Но кто-то же должен следить за автоматикой.

«Общество, обеспечившее свою свое существование на 100% обречено на вырождение, ведущее к вымиранию»;

«Вызов – единственный фактор роста, путь развития и критерий отбора».

Это не лозунги площадной риторики, как думал, впервые услышав, и я, тогда совсем юный, но уже до невозможности скептический ученик мудрого Хасдара. Таковы основные постулаты Непримируемости – песчинки мудрости, вымытые многой кровью из гор бесполезного шлака. Есть и еще: «О невозможности войны по достижении Обеспеченности», «О неотъемлемости духовности». На последнем зиждется

учение «Сердечности». Жрицами его – могучими практиками, скованными постулатом «О недопустимости вмешательства в вход Вызова» становятся все без исключения девочки, рожденные Непримиримостью.

Жрицы обоих миров зовутся сестрами и их общение не обусловлено никакими ограничениями, они просто сестры и не обязаны убивать друг друга при встрече. Видящие и слышащие друг друга всегда, единомоментно и абсолютно согласны, жрицы – сестры, говорящие от имени любви. Общение же между мужчинами Огня и Тени идет на стальном языке – языке смертельных дуэлей. Таков отбор, такова Непримиримость, Такова суть Вызова, таков путь.

Бретер становится бретером, выжив в день шестнадцатилетия. Мальчишка с рождения готовится к своей первой дуэли. Он садится в шаттл вместе с остальными, рожденными в тот же день шестнадцать лет назад, закаленными в бесконечных битвах в Круге молодыми претендентами отбора.

Тень и Огонь вращаются на общей орбите вокруг Единения, но в противофазе. Вызов вращается ближе к полюсу гиганта по короткой траектории. Там совсем иные условия, не для жизни и даже не для выживания. И эти условия обрушиваются на претендентов – вчерашних мальчишек, одновременно покидающих два шаттла двух миров, синхронно, словно в танце, садящихся и откидывающих аппарели, и выпускающих пока еще детей на поверхность Вызова в пределах Истинного Круга – ристалища, где мальчик станет муж-

чиной или памятью. Каждый заранее знает, с кем ему предстоит биться за право жить и быть любимым. Он шестнадцать лет готовился убить своего непримиримого брата и заменить его в его мире. Именно так – таков отбор. Победивший уходит жить в мир побежденного, каждый заранее знает, что, победив, станет мужем жрицы, он уже видит ее во снах, они уже знакомы...

К чему это я? Старая привычка надиктовывать тексты Хроники вновь взяла свое. Моя Мару частенько посмеивается надо мной как раз из-за этой привычки. Мару... Улыбка легонько коснулась губ. Моя Мару! Как я стал единственным женатым хроникером? Хм-м... Да!

Обучение у старого Хасдара давалось мне огромной ценой. Умственное и физическое истощение раз за разом отправляли меня в сон, где я участвовал в тысячах тысяч Вызовов из постигаемых мной Хроник. Я был каждым из сраженных и победивших, я постепенно становился самой памятью. Я помню небо над Истинным Кругом лучше, чем потолок собственной комнаты. Я помню этот камень под ногами, я бесчисленность раз проливал на него кровь свою и того другого, кому уже не встать, кого я буду до конца любить и благодарить за опыт, за его ошибку, за мою жизнь. Того, чье место займу в этом новом времени взрослых дел. Того, кто уже не займет мое больше не принадлежащее мне место в мире, что родил, воспитал и отпустил меня. Я помню каждый удар, каждый шаг, каждого... каждого... Я стал

ими всеми, не утратив себя. В том великое искусство Мастера-хроникера.

С какого-то момента мне стало сниться странное существо. Я знал, что это – мальчишка, такой же как я. Он был похож на любого из сыновей Непримируемости настолько же, насколько и отличался. Все иное! Однако ж тот же дух, та же симметрия... Родной и чуждый он повергал меня в ужас и вызывал неисчерпаемый интерес, истинное трепетное любопытство первооткрывателя. Однажды я узнал его имя, невозможное в Непримируемости, непроезжимое почти Вячеслав Николаевич. Он говорил мне только одну фразу «Поговори с ней» и исчезал. Это, продлилось год. Потом он исчез навсегда, а в следующий сон пришла Мару, и я был сражен наповал.

Я знал, что Мару из моего мира, знал, что мне некуда деться, я сгорал от невыносимости, а она молчала. Тогда я сказал ей: «Ты будешь моей!». И она ответила: «Буду. Ты должен предъявить ультиматум. Непримируемость канет в память через двадцать один год ровно! Стань моим мужем и у миров появится шанс». Я сказал ей: «Я люблю тебя!». Она ответила: «Пока еще нет. Предъяви ультиматум».

Из сна меня вырвали боль и страх, я почувствовал, как ушел в память старый Хасдар. Вот и пришел мой черед быть взрослым. Вот и на меня теперь лавиной обрушилась ответственность за эти миры, за братьев и сестер, за наше прошлое и наше будущее. Вот и стал я Мастером-хроникером.

Мимолетно отдав автомату уже теперь моего жилища приказ готовить камеру, в которой плоть, принадлежавшая Хасдару, обратится в плазму, чтобы отправиться вслед за его духом, я помчался к флайеру. Я чувствовал, как утекает время. Претенденты уже выстроились на поле Последних Слов и слушают напутствие Мастера над мастерами.

Сон не шел из головы. Более того, проснувшись, я точно знал, что должен делать, так, словно заучил наизусть кем-то кропотливо созданный, выпестованный и отточенный до мелочей план. Бросив флайер с обратной от парадных порядков претендентов стороны, я пробежался к шаттлу, скрытый от взглядов его массивной тушей. Руки дрожали, но разум был чист и тверд в решимости, в ушах звучал голос Мару: «Предъяви ультиматум. Непримиримость канет в память через двадцать один год ровно! Ты должен предъявить ультиматум!».

Я твердил себе, что я – единственный носитель хроник, последний Мастер, и это моя ответственность. Не знаю уж насколько это помогало, но ноги как-то донесли меня до цели. Я встал под решетками-излучателями гравитационного взлетного двигателя именно в тот момент, когда процессия претендентов уже втянулась в шаттл, но аппарель еще не была поднята и команда «На старт!» пока даже не зародилась в груди старого Гаргра –Мастера Бретеров, Мастера над мастерами.

Мир замер. Меня видели все, весь народ Огня, кроме тех

мальчишек, что сейчас внутри шаттла ждали своей судьбы не способные думать пока более ни о чем. Набрав полную грудь и отдав ментальную команду на трансляцию речи Мастера-Хроникера, я выкрикнул рвущимся от собственной наглости, страха и неудержимого восторга голосом: «Я женюсь на Мару!». Никто не издал ни звука, а я, словно во сне, вспомнил себе живот ритуальным кинжалом – старинной реликвией дома Хроник с лезвием, выточенным из камня Истинного Круга, камня, пропитанного кровью бретеров обоих миров настолько, что он казался застывшей струей, брызнувший из раскрытой артерии уходящего в память воина.

Мир безмолвствовал, и время не текло, казалось, ожидая развязки невиданных, невозможных, но все же вершащихся вопреки всему событий. Отложить взлет, значило бы нарушить ход Вызова. Взлететь – лишить мир Мастера-хроникера, прервать неразрывность Хроник. Промедлить, выбирая из двух катастроф – также фатально невозможно. Мир безмолвствовал. Мару неслышной тенью вышла из-за опоры шаттла, бережно взяла у меня из слабеющих рук кинжал и встала в позу обороны защищать мое право на смерть, готовая умереть за это мое право.

Старый Гаргр, Мастер над мастерами – истинный воин, он не отдался замешательству толпы. Он просто сделал единственно возможное, неслыханное, непредставимое, но единственно возможное действие ведущее мир Огня из нормо-этического тупика обратно в общий поток. Он неторопли-

во, но с тем и молниеносно, по-звериному перетек, миновал расстояние, вплотную встав к нам с Мару, и прокатал: «Ты бросил вызов невозможному и без сомнений принес в уплату жизнь, Воин! Я преклоняю колено, Мастер!».

Он действительно встал на одно колено в позу ученика. Конечно, это была просто формальность, хотя во взгляде старого Гаргра, кажется, впервые на моей памяти плясали лукавые искорки. Этот воин из воинов на ходу вытащил из кармана занятную уловку и оттого сейчас был весел и так доволен собой. Он обошел все запреты, назвав меня своим Мастером! Так я стал бретером, победившим в не брошенном Вызове, так я получил право жениться на выбравший меня жрице, так я стал единственным в Хрониках двух миров Мастером-хроникером-бретером.

Мару склонилась надо мной, чтобы наложением рук и секундным единением с сестрами закрыть смертельную рану. Я почувствовал, как что-то непостижимо огромное теплое и любящее вернуло меня в покинутое уже агонизирующее тело, а Гаргр без малейшего почтения вытащил это самое тело за ногу из-под шаттла за красную линию, чтобы претенденты наконец уже отправились к своей судьбе.

С тех пор я еще двадцать раз любовался Океаном Вечности, заполняющим собой на короткий цикл от сна и до сна весь зримый небосвод мира Огня. И вот настало время уснуть под этим небом полным вечности, возможно, последний раз – двадцать первый. Когда в нашем мире закончит-

ся время сна, мне будет уже тридцать семь, а Нану – пятнадцать. Мару говорит, что тогда Непримиримость канет в память, или переродиться, и все это будет зависеть только от нас.

Масси проснулся до срока от того, что сердце остановилось, дыхание прекратилось, а тело перестало не то что поவிноваться, но словно исчезло, он даже не мог открыть глаза. Он закричал от отчаяния, ужаса и одиночества, однако крик так и остался внутри, накапливаясь паром в котле, грозя разорвать иступленно бьющееся дичью в клыках неизбежности осознание. Затем и само осознание стало, кажется, растворяться в серой мгле, в море будто бы вообще не имеющей цвета ряби. У Масси даже не было ума, способного подумать, что пришел конец, было только что-то невыразимо малое, что, оказывается, и составляло всегда его, Масси сущность. И это что-то разрывалось сейчас на мириады осколков чувствами, о существовании которых он Мастер-хроникер-бретер, впитавший все поражения и триумфы, все концы и начала Истинного Круга в свою, казалось бы, безразмерную память, даже не подозревал.

Его поглотили! Его рассеяли и собрали вновь, успокоили одним уверенным касанием Духа столь могучего и чистого, что будь у Масси тело, он бы сейчас трясся от благоговения. Масси завис в бесцветном море ряби и внимал словам по-

глотившего его Осознания. Сначала это были сухие сообщения, так мог бы говорить автомат.

– Накоплено 1 ОИ. Герой активирован.

В языке Масси нет таких понятий, как «героизм», «герой», поэтому ему слышалось «Воин».

– Идет слияние... Идет слияние... Идет слияние...

И Масси узнал, что Воин жил в его теле уже год. Но, приняв непосильный Вызов, долго не имел энергии для слияния и действий. Масси узнал, что Воин и был той незримой могучей силой, точнее ее проводником, что породила волну возмущения порядка-хаоса, готовящуюся смахнуть, как крошки со стола, миры Непримиримости. Он узнал, что Воин пришел отстоять Непримиримость, или уйти вместе с ней в память.

Масси увидел три жизни воина и его воссоединение с силой. Он не знал слово «Колизей», поэтому слышал Великий Вселенский Круг. Масси благоговел и потому не сразу слышал мыслеречь самого Воина.

– Масси! Масси, я виноват перед всеми вами, хотя здесь и нет моей вины.

– Это просто вызов, – ответил Масси.

– Это просто вызов, – согласился Воин, – Масси, я буду действовать сам, буду пользоваться твоим телом и твоим знанием. Таков вызов, но я не запрещаю тебе помогать мне и советовать мне. Даже наоборот, Масси, я прошу тебя об этом. Я слепой в твоём мире, поэтому стань моим провод-

ником. Я чужой в твоём мире, поэтому стань моим другом, Мастер.

Масси, не знал слово «друг», но понял смысл и сердечно согласился.

—Тогда сейчас я прошу тебя отстраниться и ничего не бояться, мне нужно подумать, а утром мы приступим к действию.

Масси не понял слово «утро», в мирах Непримируемости не существовало смены времени суток, поэтому он услышал «после времени сна».

— Действуй воин! Легкого Вызова и вечной памяти!

— Спасибо, друг!

Кошмар! Дорвавшись до собственной способности мыслить и отгородившись от Масси графитовой рябью Меню Колизея, я ощутил себя проснувшимся от кошмарного сна, продлившегося целый год. Мне хочется мыслить! Я жажду этого! Я страстно желаю, пусть хотя бы сам с собой, но поговорить на русском языке!

Будучи заключен внутри этого существа, я воспринимал его мир не только его глазами и ушами, но его умом и сердцем. Сейчас вся впитанная информация ворвалась в мой мозг, в мои шаблоны, алгоритмы и предрассудки, и я чувствую, что мне нужно время просто поговорить с собой об этом странном, столь же в чужом, сколь и человеческом мире. Непримируемость! Содружество Непримируемость! Это

дикость невообразимо далекая от Земли начала двадцать первого века, но так никуда от нее и не ушедшая.

Если я думаю понятиями, воспринятыми от Масси, то я люблю Мару –его жену, прекраснейшую из женщин двух миров. Но, Господи! Стоит лишь окинуть свою память за последний год собственным взглядом, как мне делается дурно! Мне на физическом уровне неприятен облик этих существ, так похожих, однако, на людей по духу. По духу... Но внешне... Бррр... Да я их даже различить не смогу!!!

Этот мир зовется Огонь, но к нашему языку было бы ближе Пекло. Однако у них нет такого слова, они вообще не склонны к метафорам и гиперболам, как, кстати, и вообще к поэзии, художеству и прочей отвлеченке. Они – воины, это их искусство!

И так, Пекло вращается вокруг газового гиганта и вместе с ним – вокруг Красного карлика – местного Солнца, удерживающего в поле своего тяготения единственную планету, именуемую Единением и ее спутники – миры Непримиримости. Вращение газового гиганта синхронизировано с циклами спутников, что для меня вообще непредставимо, по скорости так, что Единение обращается вокруг этой могучей топки – близкой, пусть тусклой, но такой горячей звезды, а Пекло всегда повернуто к звезде одной стороной, и эта сторона представляет собой вяло кипящий океан лавы – локальный ад, занимающий примерно треть всей поверхности планетоида. Обитаемая же часть поверхности обращена к газо-

вому гиганту и вечно освещена отраженным от него голубовато-багровым недружелюбным для человеческого взгляда светом.

При тяготении примерно в половину «g», а то и меньше, эти гуманоиды имеют огромный рост, тонкую кость, и были бы похожи на макаронного монстра из Земного фольклора, не будь их кожа до фиолетового черно-коричневой, тугой и маслянистой, будто кто-то жарил во фритюре тысячелетнюю мумию, но забыл снять с огня.

Они – гуманоиды, да, у них две ноги, две руки с пальцами, но с шестью! Два противопоставленных больших пальца делают рукояти их мечей, как и все, за что они берутся, практически недоступными человеческой руке, но и это все мелочи. Я даже не стану говорить об их лицах – страшный сон Босха или Дали! Куда важнее их мироустройство!

Тень, по-нашему Тень и будет, – второй спутник, имеющий идентичные размеры, идеальную форму и циклы – все искусственно измененное! Мир, вообще лишенный естественного света, населенный со стороны, противоположный Единению, точно такими же существами, только с фиолетово-прозрачной кожей. Тень живет под непроглядной чернотой космоса с невообразимым для землянина фантастическим видом на всю галактику, украсившую пустоту льдистой россыпью колючих кристалликов. Именно так выглядят звезды с поверхности Тени – близкие и явственно достигаемые, рассыпанные умелой рукой в форму лихо скру-

ченной спирали, уходящей в вечное ничто и там теряющейся. А вокруг завитка галактики – чернота ледяного безвременья.

Это пугающая красота стала колыбелью целого народа, не сомневающегося в собственной отчужденности от несомненно существующей где-то там жизни. Под этим пологом невозможно не стать философом или поэтом. И они стали. Тень – мир художников и философов, музыкантов и поэтов, мир, вдохновленный пустотой. Хотя все это не совсем так. В действительности и искусство, и воинская дисциплина равно практикуются в обоих мирах. Просто Пекло рождает фанатичных гладиаторов, вдохновенных смертников, Тень – тонких и чутких мыслителей, но постоянный обмен в ходе многостолетних дуэлей на гибельном планетоиде, отведенном под арену, насыщает оба мира в равной степени всеми аспектами Духа.

Их женщины – это отдельная песня. Как человек, я не способен это оценить, но благодаря Масси могу видеть их безупречную красоту, они все поголовно практикуют нечто пока мне непонятное, ибо и сам Масси толком не знает, что это. Я лишь осознаю, что это еще один аспект Духа – знание, объединившее всех жриц в единый коллективный разум, где каждая индивидуальна, у каждой своя воля, свой дар и свое мнение, но все это растворено и перемешано в чем-то большем, в чем-то похожем на могущество Колизея.

Боже! как отрывисто и сумбурно мое размышление в по-

пытке объять необъятное. Но я намолчался за год! Содружество «Непримиримость» или просто Непримиримость не взирая на суровое название – единый слитный мир, помещанный на евгенике. В Хрониках нет ни слова о том, как сформировалась цивилизация. Судя по уровню технического развития, цивилизация стара как сама вечность. Миры полностью искусственные и насквозь пронизанные автоматикой, которую сами непримиряне даже не замечают. Еда – в автомате, одежда – в автомате, транспорт просто есть любой, бери и пользуйся. Тень освещена и обогрета, никогда не видя солнца, и я вообще не готов размышлять за счет чего!

Они забыли думать о жизнеобеспечении так давно, что выдумали Постулаты Вызова, чтобы раса не выродилась. Они расселились по разные стороны Единения и убивают друг друга, меняясь местами, причем процесс цикличен. Бретер, победивший в Вызове, породивший затем и воспитавший сына и дочь снова, может, и будет участвовать в Вызове. Ведь в его родном Мире есть жрица, чьего потенциального мужа он убил на свое шестнадцатилетие.

Порой в Вызове гибнут все. Два шаттла возвращаются пустыми, и мнится мне, что вопрос перенаселения не требует решения именно по этой причине, а может, и не только по этой.

Миром правят женщины, а мужчины либо о том не подозревают, либо попросту не задумываются. Могучие жрицы прямо-таки живут у них в головах и мягко диктуют все, все

без исключения.

Есть еще Негодные, они даже скорее «неприкасаемые» или «отверженные». Узкое сообщество мужчин, обслуживающих автоматику миров, недопущенных до женщин и живущих отдельно от здорового социума. Лично для меня их гетеросексуальность стоит под огромным знаком вопроса, а вот для непримирян, похоже, вопроса тут никакого нет, ибо худшим из оскорблений для мужчины является именно слово «негодный» и все связанные с этим вариации пожеланий, проклятий и подозрений. Это общество полного безумия, живущее в абсолютной гармонии невозможное, но живое и процветающее!

Выговорившись в серую пустоту Колизея, я действительно стал думать легко, непредвзято и восхитительно системно. И не увидел выхода... Я воззвал к Масси, но он сказал лишь «Поговори с ней», лукаво притом улыбаясь, и меня пробрало до кости, я четко видел, что он в курсе истории моих жизней, и это напугало почему-то и вызвало секундное замешательство в приступе отвращения. А Масси добродушно рассмеялся, безошибочно угадывая мои переживания, и предложил просто поговорить с Мару напрямую. За неимением лучшего плана на том и порешили.

Я ушел в медитативное покачивание на волнах графитовой ряби, а Масси, кажется, тихо уснул. Этот мужчина настолько верит своей жене? Что ж, это внушает и уважение, и некоторое спокойствие. Спасибо тебе, мой друг, и добрых

Глава 7 Единение

Ты смотришь на меня
И видишь все, что скрыто,
Что, на душе храня,
Я и под болью пыток
Не вспомнил бы, как не ярись палач.
Ты видишь суть, мой брат,
И открываешь душу,
И я, тоской объят
В своем безверии душном,
Вдруг слышу свой по-детски тихий плач.
Ты открываешь душу мне
Свою, мою и самой вселенной,
Я больше не в огне,
Не висельник, не пленный,
Я снова сын и брат, я муж любви нетленной,
Я снова на волне.

Меню Колизея так и не дало мне ответов. Сколько я его ни рассматривал, а видел лишь сотни сотен раз перечитанные строчки:

– Создать закладку – 2 ОИ;

Бессмысленно!

– Активировать закладку – 16 ОИ;

Бесполезно!

– В глобальную закладку вложено 21 ОИ;

Неясно!!

– Ультиматум – 90 ОИ;

Непонятно!!!

Баланс – 1 ОИ Резерв – 0 ОИ.

Фатально...

Все! На этом все! Я не знаю, что делать. Не купи я за 90 ОИ видимость Меню, можно было бы использовать Ультиматум. Но, во-первых, я купил, а во-вторых, я все равно не знаю, что такое Ультиматум. Хотя я видел в памяти моего аватара, как он выдвинул ультиматум целому миру... Кста-ти!

Я вспомнил кинжал, которым Масси приговорил себя, и первая зацепка замаячила на горизонте. В моей пещере на стене схематически нарисован точно такой же клинок! Мгновенная радость пронеслась по телу волной воодушевление, и я почувствовал, как просыпается Масси. Нас снова двое в теле.

– Друг мой! Мне необходимо говорить с твоей супругой. Где она?

– Скорее всего – в Академии, там она проводит большую часть своего времени. Если хочешь, я могу воззвать к ней.

Меня несколько пугала перспектива появления третьего

сознания в скромных пределах головы Масси, к тому же я пока не хотел делиться с целым огромным миром всем, что во мне есть, просто не был готов к публичному покаянию. А ведь пришлось бы, Мару со всей неизбежностью мгновенно вывернет наизнанку покорный и привычный к вивисекции разум своего супруга. «Мой костюмчик впору не только мне!» – зло усмехнулось что-то напуганное и маленькое внутри меня. Этих жриц, надо признать, я попросту побаиваюсь, потому хотелось бы отложить ментальный интим, насколько это вообще возможно и, если получится.

– Ты боишься моей жены?

– Нет, Мастер. Я не боюсь Мару, но я не понимаю природы того, что стоит за ней. Меня пугает эта могучая, необъятная, непостижимая Сила, природа которой для меня лежит за гранью добра и зла. Мне не ясны мотивы Могушества, что не желает быть пассивной стороной в наших ничтожных играх, и оттого я не готов сейчас довериться полностью и без остатка. Так что, мой друг, прости, но...

Я усилием воли забрал себе все ресурсы тела, осознание Масси же рухнуло в объятия графитового ничто. Прости брат, но таков вызов. Я мысленно ухмыльнулся, этой фразой можно оправдать вообще все что угодно в этом странном мире.

Сверившись с памятью аватара, я отправился на флайерную площадку за домом. Машина на удивление земных форм. Именно такими и рисовали флайеры будущего фан-

тасты моего прошлого. Внутри – мягкий, удобный, не для человека, разумеется, салон с тремя посадочными местами. Этот транспорт приписан к семье мастера Масси, а поскольку Нану, его сыну до совершеннолетия еще год, то посадка рассчитана на троих, мальчик находился в поле ответственности родительской семьи.

Я упал в кресло удивительно приятного цвета крови и отдал голосовую команду лететь Академии. Путь предстоял почти через весь обитаемый континент, так что я приготовился к длительному перелету. Однако флайер с невозможным и даже непредставимым для землянина ускорением и абсолютно без перегрузок, спасибо гравикомпенсатору, ушел свечой за пределы атмосферы, ни на миг не прекращая набирать скорость. Поверхность Единения, мгновенно занявшая весь объем визора, просто размазалась в полотно монотонного грязно-голубого цвета.

Я сидел бездвижно и, похоже, даже не дыша от невозможности происходящего. Разум питекантропа двадцать первого века пасовал перед незримой компактностью и пугающей повседневностью фантастических технологий. Флайер преодолел около десяти тысяч километров за считанные минуты и полыхающим метеором рванул вниз, ускорение прекратилось лишь, в каких-то считанных метрах от посадочной площадки, и машина мягко встала в пределах отведенного ей круга.

Мое сердце вновь начало стучать, только когда откинутая

автоматикой аппарат ел различимо кляцнула по полимерному покрытию общественной флайерной площадки.

– Мне нужно видеть супругу! Это безотлагательно! Приоритет «Ноль»! – проговорил, я возбужденно в пустоту, и светло-сиреневая шагреня посадочной зоны вычертила для меня ярко-красную тревожно пульсирующую дорожку.

Здание Академии разительно отличается не только от уже виденных мной приземистых одноэтажных строений жилого сектора, где обитала моя нечаянная семья, но и вообще от всего, что я видел за свои жизни! Она предстала предо мною огромным, наверное, более километра в диаметре, парящим над поверхностью на высоте в пару десятков метров шаром. Медленно и величественно вращаясь, Академия была Единением в миниатюре – глобусом газового гиганта, отсюда, с посадочного поля представляясь неотличимой от него, занявшего почти все небо, по размеру, полностью перекрывая собой обзор при попытке охватить ее взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.